

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств	Фантом памяти
Игра на чужом поле	Каждый за себя
Украденный сон	Замена объекта
Убийца поневоле	Пружина для мышеловки
Смерть ради смерти	Городской тариф
Шестерки умирают первыми	Чувство льда
Смерть и немного любви	Все не так
Черный список	Взгляд из вечности. Благие намерения
Посмертный образ	Взгляд из вечности. Дорога
За все надо платить	Взгляд из вечности. Ад
Чужая маска	Жизнь после Жизни
Не мешайте палачу	Личные мотивы
Стилист	Смерть как искусство. Маски
Иллюзия греха	Смерть как искусство. Правосудие
Светлый лик смерти	Бой тигров в долине
Имя потерпевшего никто	Оборванные нити
Мужские игры	Последний рассвет
Я умер вчера	Ангелы на льду не выживают
Реквием	Казнь без злого умысла
Призрак музыки	Обратная сила. 1842 - 1919
Седьмая жертва	Обратная сила. 1965 - 1982
Когда боги смеются	Обратная сила. 1983 - 1997
Незапертая дверь	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Закон трех отрицаний	Горький квест. Том 1, Том 2, Том 3
Соавторы	Другая правда. Том 1, Том 2
Воюющие псы одиночества	Безупречная репутация. Том 1, Том 2
Тот, кто знает. Опасные вопросы	Отдаленные последствия Том1, Том 2
Тот, кто знает. Перекресток	

Адрес официального сайта Александры Марининой
в Интернете <http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ОТДАЛЕННЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

Том 2

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Отдаленные последствия. Том 2 / Александра Маринина. — Москва: Эксмо, 2022. — 384 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-04-168937-7

Вы когда-нибудь слышали о термине «рикошетные жертвы»? Нет, это вовсе не те, в кого срикошетила пуля. Так называют ближайшее окружение пострадавшего. Членов семей погибших, мужей изнасилованных женщин, родителей попавших под машину детей... Тех, кто часто страдает почти так же, как и сама жертва трагедии...

В Москве объявился серийный убийца. С чудовищной силой неизвестный сворачивает шейные позвонки одиноким прохожим и оставляет на их телах короткие записки: «Моему Учителю». Что хочет сказать он миру своими посланиями? Это лютый маньяк, одержимый безумной идеей? Или члены кровавой секты совершают ритуальные жертвоприношения? А может, обычные заказные убийства, хитро замаскированные под выходки сумасшедшего? Найти ответы предстоит лучшим сотрудникам убойного отдела МУРа — Зарубину, Сташису и Дзюбе. Начальство давит, дело засекречено, времени на раскрытие почти нет, и если бы не помощь легендарной Анастасии Каменской...

Впрочем, зацепка у следствия появилась: все убитые когда-то совершили грубые ДТП с человеческими жертвами, но так и не понесли заслуженного наказания. Не зря же говорят, что у каждого поступка в жизни всегда бывают последствия. Возможно, смерть лихачей — одно из них?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168937-7

© Алексеева М.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЗАРУБИН

— Пока Игорь Андреевич болел дома, кто-то его навещал? — продолжал спрашивать Дзюба. — Кто-то помогал ему в бытовом плане? А в медицинском? Домработница? Сиделка? Может быть, друзья и бывшие коллеги? Не удивляйтесь, мы спрашиваем об этом, чтобы понимать, кто мог иметь доступ к его материалам и наработкам.

Наталья отвечала без особого желания, но, как показалось Зарубину, добросовестно. То и дело морщила лоб, что-то вспоминая, иногда поправляла сама себя. Да, домработница была, сначала приходила два раза в неделю делать уборку, потому что Игорь еще мог сам дойти до магазина, купить продукты и что-то приготовить себе, потом, когда он значительно ослабел и появились сильные боли, стала работать каждый день. За два месяца до смерти пришлось нанять и сиделку. Еще была медсестра, Инга, ставила капельницы, делала уколы и какой-то специальный массаж для снятия болевого синдрома. Конечно, все их контакты у Натальи есть, потому что именно она им платила. Точнее, ее муж. Он давал деньги, а Наталья переводила всем на карты. И перезванивалась с ними периодически, узнавала, как дела у Игоря, как он себя чувствует.

Со слов бывшей жены выходило, что Игоря Андреевича мало кто навещал, визиты гостей с самого начала были редкими, а к концу жизни больного сошли на нет. Когда Игорь умер и оказалось, что по завещанию квартира его отписана Наталье, она растерялась в первый момент. Не ожидала. Игорь ни словом не обмолвился об этом, хотя она ведь разговаривала с ним, пусть не часто, предпочитая узнавать о его состоянии у домработницы, сиделки или медсестры, но все-таки раз в пару недель звонила обязательно. С вопросами наследования она была знакома весьма слабо и плохо представляла себе, что теперь нужно делать, какие бумаги подписывать, и вообще сомневалась, не афера ли это какая-то и не липовый ли нотариус. Мужу решила ничего не говорить, пока не выяснит все точно. И обратилась к тем, кого когда-то знала, пока еще была женой Выходцева. Кто-то из них уже не служил в полиции, но нашлись и действующие офицеры, разузнали, подсказали, помогли. Попутно накопили что-то на девушку, работавшую помощником того нотариуса, раскрутили, вскрыли целую преступную схему. С завещанием Игоря все оказалось в полном порядке, и через шесть месяцев Наталья получила документы о собственности на его квартиру, но оперативники несколько раз беседовали с ней и даже один раз к следователю вызывали.

С того времени двое сослуживцев Игоря, те самые, которые помогали, периодически звонили ей, а бывало, и приходили. Выражали сочувствие, благодарили за то, что материально поддерживала бывшего мужа до последнего дня. Наталья не очень-то понимала, зачем они вообще приходят,

ей казалось, что подобная сентиментальность не свойственна современным полицейским, особенно учитывая тот факт, что умирающего Выходцева коллеги просто бросили на произвол судьбы, но считала для себя необходимым быть любезной и гостеприимной с людьми, которые отозвались на ее просьбу о помощи, хотя и не общались с ней несколько лет.

— К вам постоянно приходят только эти двое полицейских или другие тоже? — спросил Дзюба.

«С языка снял, — с одобрением подумал Сергей Кузьмич. — Я бы тоже об этом спросил. Конечно, можно подумать, что тех двоих совесть замучила, чувство вины, вот они и ходят, но за годы работы в среде полицейских я стал циником и пессимистом, в добрые чувства верить разучился. Нет у них никакой совести, и никакой вины они не испытывают».

— Другие тоже бывали пару раз, — ответила Наталья. — Это дело с нотариусами долгое, так они мне объяснили, поэтому приходится задавать всякие вопросы, я ведь много раз бывала у них в конторе и с той помощницей много общалась, вот опера и выспрашивают разные мелочи и подробности. А разве важно, кто ко мне приходил из полиции?

— Конечно, — уверенно кивнул Роман. — Если им небезразличен Игорь Андреевич, то может оказаться, что они общались с ним в последний период жизни и разделяли его научные интересы. Стало быть, вполне могли и материалы позаимствовать. Имена и телефоны тех полицейских, которые с вами контактировали, у вас есть?

— Есть, разумеется.

— Припомните, Наталья, какие вопросы они вам задавали, чем интересовались. Может быть, предлагали помощь в разборке вещей, когда нужно было освобождать квартиру?

— Да нет, ничего такого. Обычные разговоры: как семья, как дочка, как муж, не жалеет ли он, что столько денег потратил на лечение Игоря, не испортились ли у нас отношения из-за этого. В общем-то, обычный обмен репликами при не-обязательной встрече, когда нужно просто отбыть номер. Вы не думайте, я не ободряюсь на этот счет. Хоть они и говорили, что Игоря на службе очень любили и уважали и все его помнят, но этим словам грош цена, если честно. Я Игоря хорошо знала и понимала, что человек он крайне тяжелый, а работник — так себе, средний, ничего выдающегося. Мне казалось...

Она замялась, на скулах проступили заметные красные пятна.

— Да? — негромко произнес Дзюба.

«Давай-давай, — мысленно подстегнул ее Зарубин. — Мне-то уже давно кажется. Ровно с той секунды, как ты рассказала, где твой муженек бабки заколачивает. Вот интересно, нам с Ромкой правильно кажется или нет?»

— Они про мужа много спрашивали, про его компанию. И я подумала, что... Ну, что они собираются уйти из полиции, сменить работу. Бывшие полицейские обычно очень хорошо зарабатывают, если устраиваются в службу безопасности крупной компании. Если мой муж давал деньги на лечение Игоря, это определенным образом характеризует наши с ним отношения, понимаете?

— Понимаю. Вы полагаете, они рассчитывают на то, что вы можете дать им рекомендацию или как-то еще поспособствовать?

— Ну да. А вы думаете, что дело не в моем муже, а в научной работе Игоря? — с тревогой спросила Наталья.

— Не исключено, — неопределенно ответил Дзюба. — В любом случае мы должны все выяснить и все проверить.

— Как-то странно это, — недоверчиво проговорила она. — Игорь никогда не интересовался наукой. Поверить не могу, что он придумал что-то невероятно ценное, такое, на что кто-то позарился. Он и книг-то не читал, ни художественных, ни документальных, ни тем более научных. Подозреваю, что вы меня обманываете.

В этот момент из соседней комнаты раздался звонкий крик девочки:

— Мам! Я уже нарисовала дом с забором! Можно я в дресс-ап поиграю?

— Нарисуй перед домом будку с собакой, потом решим! — крикнула в ответ Наталья.

— Ну мам! А в феску можно?

— Сначала собаку. И не спорь, — громко и твердо сказала мать.

— Дресс-ап знаю, в нее дочка соседей играет, а феска — это что? — с улыбкой спросил Дзюба.

— Фейс-пейнт.

— А, понял. Так вот, чтобы вы не сомневались насчет научной работы Игоря Андреевича, я вам кое-что покажу.

Он достал айфон и принялся тыкать пальцем в экран.

— Вот эта статья вышла еще при жизни Игоря Андреевича, в начале восемнадцатого года. Один из соавторов — очень известный ученый, криминолог, Стеклова Светлана Валентиновна. Вам это имя ничего не говорит?

Наталья с любопытством взглянула, пробежала глазами пару строк и удрученно вздохнула.

— Я и не подозревала, что все так серьезно. Статья... Профессор... Погодите-ка, — она снова наморщила лоб, — Стеклова... Стеклова... Кажется, сиделка мне говорила, что к Игорю приезжала один раз какая-то пожилая дама, и Игорь называл ее профессором. Надо же, если бы вы не назвали это имя, я бы и не вспомнила тот разговор.

«Пора заканчивать, — подумал Зарубин, посмотрев на часы. — Сидим здесь уже черт знает сколько времени. Ничего нового больше не узнаем, вся информация пошла по второму кругу».

Они горячо и проникновенно поблагодарили бывшую жену Игоря Выходцева, переписали все данные домработниц, сиделок и медсестры Инги, а также тех полицейских, которые звонили и приходили к Наталье, и ушли.

КАМЕНСКАЯ

Двадцать минут, проведенные в компании с Чистяковым за чашкой кофе, вроде бы сгладили неприятное послевкусие от встречи с майором Паюшиным из Управления собственной безопасности. Алексей живо интересовался, как прошла лекция, и Насте даже удалось сделать свой рассказ достаточно смешным.

Они вышли из кафе, и Настя решила проводить мужа до дома редактора, прогуляться, а потом уж возвращаться к своей машине, припаркованной в противоположной от кафе стороне, на платной стоянке.

— Принимаю заказы на ужин, — сказала она, — выкопала в Интернете два новых рецепта из серии «дешево и сердито». Один с бурым рисом, другой с перловкой. Что выбираешь?

— Давай перловку, я ее в последний раз ел на военных сборах, еще когда в институте учился. Там каждый день по два раза перловку давали, то в виде каши, то в виде гарнира.

— Вот не ври! — возмутилась Настя. — А в рассольнике?! Я же только на прошлой неделе его варила, и ты, между прочим, хвалил. Можно подумать, за всю жизнь после института рассольник ни разу не ел!

— Точно! Про рассольник я и забыл. Но в супе крупы мало, а вот в чистом виде любопытно вспомнить, как оно звучит. Я все жду, когда тебе надоест и ты пощады попросишь, — засмеялся Чистяков. — Просишь?

Настя мотнула головой.

— Не-а.

— Упорная, что ли? Или упрямая?

— Ни то, ни другое. Мне правда интересно, Леш. И потом, мы же договорились: пока я не зарабатываю в агентстве, мы пытаемся жить экономно, и мой вклад — готовка из дешевых продуктов.

— Ну смотри. Если что — я всегда открыт для переговоров.

Проводив мужа, Настя вернулась к машине, изо всех сил стараясь не вспоминать о Паюшине. Ситуация ей не нравилась, но Каменская знала по опыту: нужно отвлечься на какое-то время, забыть, думать о другом, чтобы потом взглянуть на картину свежими глазами. Она оплатила парковку с телефона, завела двигатель и включила аудиокнигу.

Добравшись до своего района, остановилась у магазина и отправилась за ингредиентами для блюда из перловки. Овощи нужны самые простые — лук и морковь, травы и приправы дома есть в широком ассортименте, а вот соус терияки закончился, нужно купить, и упаковку индюшачьих грудок прихватить. Небольшая часть, мелко нарезанная, вымоченная в маринаде и обжаренная, пойдет с перловкой, как указано в рецепте, остальное — завтра на котлеты. Хорошо, что в Интернете так много форумов, где люди делятся домашними рецептами и кулинарными секретами!

Раз уж она в магазине, то имеет смысл купить продукты для завтраков дня на три вперед. Ой, а вот какая-то бакалея по акции, макаронные изделия со скидкой, надо брать. И гречка, самая дешевая, с этикеткой «три по цене двух». Такая гречка, Настя знала, разваривается в невнятную кашу, но есть хитрые способы сделать ее более чем приемлемой если уж не для гарнира, то, по крайней мере, для самостоятельного блюда. Способы эти Настя вычитала все на тех же форумах, попробовала применить и осталась вполне довольна результатом. Конечно, с этими покупками впрок придется выйти из недельного финансового лимита, но зато выйдет экономия на две-три следующие недели, и, таким

образом, рамки месячного бюджета нарушены не будут. При всей своей неспособности вести быт, при полном отсутствии хозяйственного рвения и неумении готовить считала Анастасия Каменская все-таки очень хорошо. Если по молодости лет она ухитрялась покупать массу ненужных продуктов, без которых можно было бы прекрасно обойтись, то за последние годы, после выхода в отставку, взяла себя в руки, начала осваивать самые элементарные навыки приготовления пищи и довольно быстро запомнила, на сколько порций хватает упаковки макарон или крупы и на сколько дней хватает пачки сливочного масла или бутылки растительного. «Повар я никакой, — говорила она Чистякову, — зато экономка отличная. Такой талант пропадает!»

Дома Настя подточила нож для мяса, старательно настрогала грудку индейки тонюсенькими полосками, залила маринадом, сделала себе кофе и уселась за кухонный стол лицом к окну. Вот теперь можно и подумать о майоре Паюшине.

За Зарубиным выставили ноги. Вполне возможно, и уши приделали. Просто так? Смешно! При раскрытии даже тяжких преступлений наружку и прослушку на счет «и» не выпросишь, стандартные ответы: «нет свободных экипажей», «нет свободных каналов». Людские ресурсы у МВД небезграничны, равно как и технические возможности. Если бы все происходило в рамках регулярной рутинной проверки оперсостава, то человек из СБ не полез бы к Каменской с разговорами. Стало быть, речь идет не о рутине, а о разработке. Как же могло получиться, что в рамках этой оперативной разработки, в которой задействованы

и наружное наблюдение, и прослушивание телефонных переговоров, на сцену выпустили такого неумелого сотрудника, как Паюшин? Да быть такого не может! Во всяком случае, не должно. Хотя в нынешней ситуации, конечно, может быть все, что угодно, даже такое, что в бреду не привидится. Следователи, не знающие уголовного права, — на каждом шагу. Оперативники, которые ничего не умеют, — не реже.

Итак, получаются два варианта. Первый, он же самый простой: разработка Зарубина такая же неумелая, как майор Паюшин. Кто и зачем ее затеял — второй вопрос. Может, идет война за место начальника отдела, которое временно занял Серега. Тогда ситуация лично ему ничем не угрожает, поскольку он на это место и не рвется. Спит и видит, как бы поскорее вернуться в свое уютное креслице зама. Второй вариант намного хуже: разработка серьезная и тонкая, и тупой Паюшин — ее неотъемлемая часть. Необходимый элемент. И это, скорее всего, означает, что игра идет не против Зарубина, а против Константина Георгиевича Большакова. Им нужно, чтобы полковник в отставке Каменская непременно позвонила Зарубину и нервно рассказала о беседе, состоявшейся в кафе. Ну ладно, раз им надо — она позвонит, ей не трудно. Хотят, чтобы было нервно? Будет. Не вопрос.

— Имхо, фигня это все про преступную схему с нотариальной конторой, — заявил Дзюба, усевшись в машину. — То есть какое-то дельце, ко-

нечно, было, раз Наталью к следдаку дергали, но не такое длинное и сложное, чтобы его больше года разматывать. Сто пудов, вся эта шобла подходы к мужу искала. Транспортно-логистическая компания — лакомый кусок, им источники нужны, и жена, у которой такие доверительные отношения с топ-менеджером, — самое оно. Скажешь, нет?

— Скажу «да», — отозвался Зарубин.

Все правильно им с Ромкой показалось. Не в том дело, что опера присматривали себе новое место работы, а в том, что пытались завербовать Наталью. Компания, в которой исправно и давно трудился ее второй супруг, слишком часто мелькала в делах и о наркотрафике, и о контрабанде. Действительно, лакомый кусок.

— Ты хоть понимаешь, Ромка, как мы все попали? — грустно спросил Сергей Кузьмич.

— Понимаю. Чего делать будем? Пойдешь Большому докладывать?

— А что, есть варианты? — безнадежно ответил вопросом на вопрос Зарубин.

Вариантов не было. Судя по тому, что рассказала Наталья, друзей-приятелей из гражданской среды у покойного Выходцева не осталось уже задолго до смерти. Стало быть, если он с кем и делился своими идеями насчет справедливости и отдаленных последствий, то только с коллегами. Мог кто-то из них настолько проникнуться этими идеями, что возомнил себя учеником и продолжателем? Вполне мог. А могло этих учеников-продолжателей быть двое или больше? Ну, больше-то — вряд ли, а вот двое — уже реально. Владение приемами, свидетельствующее о специальной боевой подго-

товке, возможность получать полную информацию о наличии и состоянии камер наружного наблюдения, умение собирать сведения об образе жизни и маршрутах передвижения будущих жертв — все говорит в пользу того, что речь идет именно о полицейском. Ну что ж, как говорится, больному легче: хотя бы понятно, где искать.

Плохо другое. Если подозреваемый служит в полиции, они обязаны подключать Управление собственной безопасности. И генералу Большакову такой поворот вряд ли понравится.

Зарубин достал телефон, который на время разговора с Натальей ставил на беззвучный режим, и увидел два непринятых вызова от Каменской. Может, хоть она чем-нибудь порадует? Он глубоко вдохнул, постарался настроить голос на «повеселее» и перезвонил ей.

— Ну, Пална, скажи мне три хороших слова — и я буду обожать тебя всю оставшуюся жизнь, — с ходу пообещал Сергей.

— Ты обещал погулять, — слышалось в ответ.

— Чего-о?!

— Ты просил три слова — три и получил. Попросил бы пять — я бы сказала, что ты обещал погулять с собакой.

— Да тьфу на тебя! Напугала аж до инфаркта. А что, есть надежда? Пока я буду гулять, ты закончишь для меня полный обзор научной работы Стекловой?

— Что и когда я закончу — не твое дело. Но ты пообещал — выполняй. Ровно в восемь, не опаздывай, у собаки жесткий режим. И имей в виду, пес мощный, весит много, тянет сильно, невоспитан

и практически неуправляем, ты в одиночку с ним не справишься.

Господи, он знает Настю Каменскую тысячу лет, видел ее и радостной, и восторженной, и уставшей, и расстроенной, и больной, и даже убитой горем. Всякую Настю он повидал. Но никогда, ни единого раза не слышал он такого ледяного холода в ее голосе.

Что-то не так. Что-то не так... Что?

— Поедем в контору, — скомандовал он. — Попробую зайти к Большому, если он на месте. Ты на вечер планов не строй, в восемь мы должны идти выгуливать собаку.

Рыжий Дзюба воззрился на него в полном изумлении.

— Что мы должны?

— Что слышал, — сердито огрызнулся Зарубин. — Пална велела нам подъехать к восьми. Обоим. Там что-то неладно.

— У кого неладно? У нее? Или у собаки?

— Если у собаки, то нам с тобой сильно повезло. Но боюсь, что у нас. Ладно, не будем гадать.

— Кузьмич, надо со следователем что-то решать, время-то к вечеру катит.

— Да блин! — в сердцах выругался Зарубин. — Давай звони ему, скажи, что до конца рабочего дня приедешь. А лучше — напряги все свои способности фантазера и выбей у него срок до позднего вечера. Потом звони Тохе, Колюбаеву и Хомичу, пусть отчитаются, чего они там накопили.

— А если ничего не накопили?

— Не каркай! Ну что за елки-палки на мою голову! — взвыл Зарубин. — Два убийства раскрой,

но так, чтобы всем понравилось, и чтобы хороших людей не подставить, и чтобы плохим парням по сопатке досталось, и чтобы собственную голову убереечь, и еще чтобы прокуратура на тебя не наехала и «гестаповцы» под ногами не путались. Я-боль-ше-не-мо-гу!

Последние слова он буквально выкрикнул по слогам, и столько в его голосе было злости и ненависти, что сидящий за рулем Роман от неожиданности чуть не въехал в идущую впереди маршрутку.

— Ты чего, Кузьмич?

— Ничего.

Зарубин помолчал немного, потом перевел дыхание.

— Ладно, извини, ничего личного. Просто задолбало все это. У нас два трупа, отрядили шесть человек оперов, дали одного из лучших следователей, а что в итоге? Мы уже два дня толчем воду в ступе, четыре человека во главе со следователем пляшут канкан перед юридической общественностью, а реально этими убийствами занимаемся только мы с тобой. А все почему? Потому что политика. Интересы. Столкновения кланов. Борьба за власть и всякое дерьмо вокруг нее. Большой — хороший мужик, на него давят сильно, он на нас надеется, и подвести его никак нельзя. Ему нужно время, чтобы придумать, как выкрутиться, и мы должны это время ему предоставить. Звони Барибану. Потом ребятам всем по очереди. И на громкую связь поставь.

Дзюба послушно ткнул пальцем в экран на приборной доске. Следователь отсрочки не дал. Впрочем, ожидаемо. Ведь если оперативники раздобудут дельную информацию, ее нужно успеть закрепить

документально. Вызвать людей Барибан не успеет, значит, ему придется ехать к ним самому в сопровождении кого-то из оперативников. И Матвея Очеретина обязательно нужно допросить, а это означает либо заказывать конвой и везти его в Следственный комитет, либо выписывать поручение на транспортировку операм, либо допрашивать в ИВС до 18.00. Конвой для срочных случаев выделяют с трудом, нужно долго улаживать руководство конвойного полка или заказывать заранее, с кондачка не получится даже у такого, как Барибан.

Через пятнадцать минут все стало понятно: Сташис находится за городом и до обозначенного времени к следователю никак не успеет, так что ехать на свидание к Николаю Остаповичу Барибану придется Ромке.

Значит, нарисовался некто Фадеев Виталий Аркадьевич... Понятно, что Леонида Чекчурина и Татьяну Майстренко завалил не он, и не по его заказу это сделано. Слишком топорно для убийства по бизнес-мотивам. Но для суда может и сойти. Главное, чтобы Колюбаев проработал наметившуюся связь Фадеева с задержанным Очеретиним. Здесь забрезжила надежда, Зарубин был уверен, что Колюбаев справится, ведь голос капитана звучал очень уверенно, когда он говорил о том, что появился хороший шанс связать мальчика-компьютерщика с крупным застройщиком, насмерть обидевшимся на госпожу Горожанову, мачеху убитого Леонида Чекчурина. В этом месте Сергей снова вернулся к мыслям о том, что надо бы присмотреться к этому сдержанному и явно неглупому оперу. Работать-то некому, с кадрами беда бедовая...

И все-таки странно: парни начали искать в разных направлениях, а сошлось на Фадееве. Может, он на самом деле как-то причастен?

— Антон, ты далеко от дома Фадеева? — вклинился в разговор Зарубин.

— Навигатор показывает семь минут, а что? — послышался из динамика голос Сташиса.

— Колюбаев тоже туда намылился, но он едет со стороны Рязанки, ему еще минут двадцать пилить.

— А он-то с какого...?

— У него зацепка появилась, вроде бы имя Очеретина проскакивало где-то рядом с Фадеевым.

Антон помолчал, усмехнулся.

— Понял. Так что, начальник? Как распорядишься? Уступить место в очереди? Или ждать его и дальше всем вместе?

— Дождись его сначала и отправляй в контору, пусть будет на подхвате, если Барибан захочет ехать людей допрашивать.

— Кузьмич, боюсь, не прокатит, Барибан сказал, что не хочет никого рядом с собой видеть, кроме нас с Ромкой.

— Плевать я хотел на то, что он там хочет, — зло произнес Зарубин. — Дзюба поедет к нему докладывать, но потом он мне самому нужен. У оперов свои начальники, если ты не забыл, и в данном случае это я, а не Барибан. Если что — Колюбаев ему понравится, Николай Остапович даже уважает таких вот политически грамотных, которые глотка не сделают, пока сто раз не подуют.

— Ну гляди, — протянул Сташис. — Ты начальство, тебе виднее.

Сергей откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Следствие совсем обалдело, берегов не чувствует. Носятся со своей процессуальной самостоятельностью, как с писаной торбой, и до того доносились, что решили, будто могут розыскниками командовать и выбирать, с кем им работать, а с кем — нет. А ничего, что Следственный комитет и МВД — это два разных ведомства и уголовный розыск следователям не подчиняется? Да провалилось бы оно всё!

СТАШИС

Подходящий «карман» для парковки нашелся совсем рядом с домом Фадеева, буквально метров триста оставалось доехать.

— Мимо не проскочат, — уверенно констатировал Антон. — Будем ждать.

Виктор достал телефон.

— Поищу пока жену Фадеева в соцсетях, — сказал он.

— А что, понравилась? — рассмеялся Сташис. — Красивая, это правда.

Лейтенант смутился.

— Да при чем тут... Я для дела.

— Давай-давай.

Через некоторое время Виктор с досадой произнес:

— Черт, здесь какая-то яма, эль-тэ-е слетает, четыре-джи тоже, только трешка работает, а она грузит в час по чайной ложке.

Минут через пятнадцать-двадцать в зеркале заднего вида показалась машина Колюбаева — темно-зеленый «БМВ». Антон вышел из салона ■

и встал так, чтобы его было хорошо видно. Автомобиль притормозил рядом с ним. Женя Есаков опустил стекло и удивленно спросил:

— А вы здесь как?

Антон нагнулся, просунул голову в окно.

— Парни, на пару слов. Есть новая вводная от руководства.

Есаков и Колюбаев подошли к нему, Витя Вишняков тоже встал рядом. «Ни дать ни взять, бандитская стрелка, — с усмешкой подумал Сташис. — Сейчас и разборка начнется, будем выяснять, чьи пироги пышнее».

— Мы на Фадеева вышли, — сказал он без длинных предисловий.

— Мы тоже, — моментально отреагировал Есаков.

Сташис успел заметить полный ярости взгляд, которым Дима Колюбаев хотел, кажется, испепелить старшего лейтенанта, но тот ничего не заметил и возбужденно продолжал:

— Источник в УБЭПе дал нам инфу, что Фадеев знаком с Очеретиным, так что все в цвет. А у вас что? Какие зацепки?

Если бы взглядом можно было убить, Женя Есаков наверняка уже свалился бы за смертью.

— Боюсь, что ваш источник ошибся. — Антон с сожалением покачал головой. — Перепутал фамилии. Не Очеретин, а Черединов. Это водитель Фадеева. Звучит похоже, много одинаковых букв, так что ошибка вполне понятная и простительная. А, кстати, почему Фадеев? Вы же вроде ехали про Тремасова узнавать?

Он видел, что с каждым произнесенным им словом лицо Есакова делается все более растерян-

ным, а Дмитрий бледнеет, отчего его смугловатая гладкая кожа приобретает нездоровый пепельный оттенок.

— Пока узнавали, как раз Фадеев и выплыл. Он нам показался более перспективной фигурой с точки зрения, так сказать, поставленных задач.

Колюбаев выдавил из себя улыбку, но от Антона не ускользнуло выражение его глаз. «Не дожить тебе до вечера, Женя», — мысленно отметил он.

— Нам тоже так показалось, — он широко улыбнулся, — и поэтому мы здесь. Сейчас все и выясним, а вам Зарубин велел возвращаться на Петровку, вы ему там нужны.

— Слушай, Антон, это нечестно, — возразил Колюбаев. — Информация наша, и мы должны ее проверить сами.

— Она ошибочная.

— Не факт. Может быть, ошибаешься как раз ты, а не мой источник.

— Может быть. — Антон пожал плечами. — И мы с Витей это узнаем. Ты собираешься спорить с руководством, которое велит тебе возвращаться?

— Я так понимаю, руководство — это ты? — Дмитрий даже не пытался скрыть язвительность.

— Руководство — это полковник Зарубин. Можешь ему прямо сейчас позвонить и убедиться.

— Почему он сам мне не позвонил, а через тебя передает?

— Вот и спроси у него. Парни, давайте без обид, ладно? Вчетвером вваливаться глупо, люди испугаются, начнут скандалить и вызванивать адвокатов, а это никому не нужно. Мы вдвоем сделаем все тихо

и аккуратно. И вашу информацию обязательно проверим.

Они препирались еще несколько минут, после чего Колюбаев и Есаков со злыми и расстроенными лицами отбыли в сторону Москвы. Разговор вышел, конечно, малоприятным, но, с другой стороны, разве на оперативной работе бывают приятные беседы? И конкуренцию в раскрытии никто не отменял, особенно когда группа больше двух человек и версий много: кто ж не хочет лишний раз попасть в справку, тем более по делу, которое на особом контроле? Антон прислушивался к себе и с неудовольствием понимал, что радуется. Не хорошо это — радоваться неудачам товарищей, но очень уж не хотелось ему, чтобы Кузьмич всерьез озаботился переводом Колюбаева к ним в управление. Если кого и брать, то Витю Вишнякова, а не этого хитромудрого опера с Юго-Запада. Кузьмича, конечно, можно понять, ему как начальнику легче руководить именно таким, как Колюбаев, но ведь Дима и подставить может, если сочтет, что так лучше для соблюдения политических интересов верхнего руководства. А Витя простой и пока еще честный паренек, клад, может, и не найдет, но уж точно не подставит.

С охранником, несущим службу у ворот дома Фадеева, все вышло далеко не так легко и просто, как с давешним Александром, который с готовностью вызвался помочь, поскольку речь шла об убийстве сына хозяина. Здесь пришлось изворачиваться и придумывать на ходу, уверяя, что господин Фадеев, разумеется, ни в чем не может подозреваться, но вот поведение госпожи Горожановой

вызывает некоторое беспокойство, в связи с чем возникла необходимость побеседовать с домохозяйками и попросить их ответить буквально на пару вопросов.

— Если вам нужен Виталий Аркадьевич, поезжайте к нему в офис, — упрямо твердил охранник. — Или присылайте повестку.

— Зачем же мы будем беспокоить такого занятого человека по пустякам? — миролюбиво разводил руками Антон Сташис. — Нам бы с персоналом поговорить накоротке, они ведь люди наблюдательные, хотя с ними обычно никто не считается, их даже не замечают, а вот они, наоборот, на все обращают внимание и все запоминают. Горожанова со своим мужем бывала в этом доме, и наверняка кто-то что-то...

В общем, охранника удалось уболтать.

— Я должен позвонить Виталию Аркадьевичу, пусть он сам распорядится, — твердо заявил страж ворот. — Если он разрешит вас впускать, тогда ладно.

— Конечно, звони.

Охранник отошел на несколько шагов и вытащил телефон. Судя по репликам, трубку взял не Фадеев, который в этот момент находился на важных переговорах, и собеседником бдительного сотрудника охранного агентства был некто по имени Артем.

— Точно? — переспросил охранник. — Уверен? Ну смотри, если что — ты будешь крайним.

Кажется, этот невидимый Артем — человек вполне вменяемый, к тому же точно знает, что за Фадеевым ничего такого нет, и беседа оперов с персо-

налом никакой опасности в себе не таит. А может, наоборот, просто глупый и беспечный.

— Ну, как Виталий Аркадьевич? — невинно спросил Сташис. — Разрешил? Или велел нас выгнать?

— Виталий Аркадьевич занят, — с важным видом сообщил охранник. — Но Артем разрешил.

— Артем — это кто?

— Помощник, правая рука. Только не надейтесь, что вы войдете и будете по всем комнатам шароухаться, — строго предупредил он, идя вместе с ними к дому. — Я за этим прослежу.

«Да уж, — с неожиданной тоской подумал Сташис, — времена изменились кардинально. Когда-то человека с милицейским удостоверением пропускали всюду и безропотно, но это было так давно... Теперь полицию ни в грош не ставят, и любой охранник считает себя вправе нам отказывать, не пускать, запрещать. Кто-то же виноват в том, что так стало. Но кто?»

— А кто сейчас в доме? — спросил Вишняков. — Много обслуги?

— Две горничные делают уборку, повариха на кухне, больше никого. А, еще напарник мой.

— И все? — уточнил Антон.

— Ну, Снежана, жена Виталия Аркадьевича, но она же не обслуга.

— Ясно. А водитель Фадеева?

— Володька? Так он хозяина с утра повез, что ему тут делать-то?

— Ага, понял, — с деланой рассеянностью кивнул Сташис. — А Матвей? Он только при Фадееве здесь бывает или в его отсутствие тоже?

Охранник резко остановился и с подозрением посмотрел на оперативников.

— Какой Матвей? — строго спросил он.

— Очеретин, который по компьютерам. Из фирмы «Сталк-Модем».

— Не знаю такого. Снежана сама справляется, она ловкая, а если у Виталия Аркадьевича что-то не клеится, то Артем все налаживает. Никакого Матвея здесь не бывает.

— Да ладно, — недоверчиво протянул Витя Вишняков. — Нам в «Сталке» все уши прожужжали про то, какие они надежные и что среди их клиентов такие известные бизнесмены, прям чуть ли не из списка Форбса. Тремасова называли, Горожанову, Фадеева тоже, хвастались, какая у них репутация.

— Впервые слышу. По электрике, бойлерам, ну и, вообще, по всему инжинирингу у хозяев договор с фирмой, которая весь поселок обслуживает, оттуда Константин Олегович приходит регулярно, а с компами они сами управляют.

— Странно, — задумчиво протянул Антон, — а мне в «Сталк-Модеме» говорили, что Очеретин сюда периодически приезжал. Обманули, наверное. Для красного словца брякнули, чтобы цену себе набить.

— Наверное, — равнодушно согласился охранник и распахнул перед ними входную дверь.

Дом у Фадеева оказался большим, намного просторнее того, в котором проживали депутат и его супруга. Антон подумал, что, наверное, Чекчурина и Горожановой не с руки пихать всем в глаза свое истинное благосостояние, они, поди, на загранич-

ной недвижимости отрываются в полный рост, а в столице скромничают; Фадееву же скрывать нечего, кому придет в голову спрашивать у крупного бизнесмена, откуда у него столько денег.

Холл, за исключением плиточного пола, был отделан древесиной, источающей приятный, чуть терпковатый запах. Стены пустые, ни картин, ни фотографий, ни охотничьих трофеев, и во всем помещении ни малейших признаков «богачества» вроде столиков с мраморными столешницами, антикварных кресел или невероятной дороговизны напольных ваз. Простое почти квадратное помещение, лестница, ведущая наверх, и несколько дверей; одна оказалась полуоткрытой, и из-за нее доносились звуки какой-то задорной песенки на непонятном языке.

— Ждите здесь, — велел охранник, — я людей позову.

Он стал подниматься по лестнице, и Антон понял, что сначала пригласят горничных. Вряд ли кухня находится выше первого этажа, в нее, скорее всего, выход прямо из холла. И кто же это у нас любитель такой музычки? Уж не повариха ли? Наверняка молоденькая, возрастные тетки такое вряд ли слушают.

— Глянь-ка, что там, — обратился он к Виктору, мотнув головой в сторону приоткрытой двери.

Молодой оперативник двинулся в указанном направлении. Антон не смог совладать с любопытством и пошел следом, хотя собирался стоять на месте и контролировать лестницу в ожидании зловредного охранника, который наверняка разозлится, увидев, что незваные гости нарушают вы-

двинутое им требование «не шарохаться по дому». Вишняков осторожно открыл дверь, и Антон увидел большую светлую комнату, по всей видимости, столовую, с длинным деревянным столом и стульями, вокруг которых танцевала, изгибаясь и потряхивая длинными волосами, та самая красавица с фотографии. Снежана. Жена Фадеева, которую им охарактеризовали как веселую и прикольную девушку. На столе стоял открытый ноутбук, из которого и лилась та задорная песенка, а Снежана, пританцовывая, произносила вслух отдельные слова в унисон с музыкантами. Зрелище показалось Антону настолько неземным, завораживающим, каким-то инопланетным, что он замер, не дойдя до порога.

А Виктор ничуть, по-видимому, не впечатлился, спокойно вошел в комнату и произнес несколько непонятных слов. Снежана заметила его, остановилась, взглянула изумленно и тоже сказала что-то на неизвестном Сташису языке. Это был точно не английский, не французский и не немецкий, их Антон различал на слух, хотя более или менее владел только английским. Что происходит?

Девушка, наконец, заметила Сташиса и махнула рукой в приветственном жесте.

— Здрасьте, а вы кто? — спросила она и тут же стала совсем обыкновенной.

— Антон, — глупо ответил Сташис.

— А ты? — обратилась она к Виктору, стоявшему молча. — Чего не отвечаешь? Я же спросила тебя, кто ты и что здесь делаешь.

— Извините, — пробормотал он. — Я не понял.

— Так ты что, по-корейски не говоришь, что ли? ■

— Нет, я в школе немецкий учил, и то еле-еле.

— Вот блин! Ты же сказал: «Пусть солнце всегда светит в твоё окно». Я тебе и ответила. Прикалываешься, что ли?

— Нет, я просто повторил последние несколько слов, которые услышал. Я не знал, что они означают.

Снежана недоверчиво сощурила свои огромные глаза.

— Что, вот просто услышал и повторил?

— Ну да.

— И корейский никогда не учил?

— Никогда.

— Офиге-еть, — протянула она восхищенно. — Ты так точно произнес, даже почти без акцента. Врешь, так не бывает, наверное, ты учил все-таки. Ладно, а вы кто такие вообще?

— Мы из полиции, — подал голос Антон, которому удалось наконец прийти в себя.

Глаза Снежаны тут же перестали сиять, теперь в них плескалась тревога.

— Что-то с Фадеевым? Авария? Он в порядке?

— Не беспокойтесь, — поспешил заверить ее Сташис, — с вашим мужем все нормально, он сейчас на переговорах и знает, что мы здесь. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы согласились ответить на несколько вопросов о гостях, которые бывали в вашем доме. Мы рассчитывали поговорить только с домашним персоналом, но если бы вы тоже...

— Та-а-ак, — раздался зычный голос охранника. — Я же сказал ждать и никуда не соваться! Виталий Аркадьевич не давал разрешения беспокоить

жену, вы только об услуге договаривались. Всё, больше никаких разговоров, давайте-ка на выход.

Он решительно шагнул к Антону, явно намереваясь схватить его за плечо и вытурить из дома, но вмешалась Снежана.

— Ну ты чего, Олежка? Раз люди приехали, значит, им нужно. Что мне, жалко на вопросы ответить?

И правда, нормальная вроде девица, без фанаберии. Как-то мало она похожа на молодую жену богатого далеко не юного папика.

Послышались шаги спускавшихся по лестнице двух горничных, женщин в возрасте от сорока до пятидесяти.

— С моей комнатой закончили? — спросила Снежана, обращаясь к ним. — Тогда я пошла к себе.

Она схватила свой ноутбук и кивнула Вишнякову:

— Идем, полиглот, чего стоишь? Дернем по кофейку, и я отвечу на все твои вопросы. Заодно и проверим, ты действительно на слух так суперски ловишь или все-таки гонишь.

Охранник скорчил недовольную мину, глядя, как Виктор вслед за женой хозяина идет к лестнице, и Антон демонстративно развел руками, мол, договоренности — это, конечно, святое, но против слова хозяйки не попрешь. А молодой-то — не промах, как выяснилось, и слух у него хороший, абсолютный, наверное. И интуиция работает как надо. Вряд ли он успел мгновенно просчитать ситуацию, для этого нужно или быть гением, или иметь огромный опыт. Опыта у Вити нет, это точно, да и на гения он как-то плохо смахивает. ■

Значит, действовал по наитию. Наитие сработало быстро, значит, реакция у парня отменная, недаром он в спорте преуспел. Будем надеяться, что со Снежаной он не растеряется и не оплошает. Нет, пусть Кузьмич до упора проталкивает своего Колубаева, а он, подполковник Сташис, намерен до последнего биться за Витю Вишнякова. У этого паренька огромный потенциал. Плохо только, что об этом не знают ни окружающие, ни сам Виктор.

— Милые дамы, — обратился он к горничным, — постараюсь надолго вас не задерживать. Прошу!

Он широким жестом пригласил их в столовую, отметив выражение крайнего неудовольствия на лице охранника, который явно рассчитывал присутствовать при беседе и все проконтролировать и прямо перед носом которого Антон Сташис так невежливо закрыл дверь, ведущую в холл. Перебьется.

ВИШНЯКОВ

Не обманул чекчуринский охранник Александр, жена у Фадеева действительно веселая и простая девчонка. Даже удивительно: неужели у богатых бизнесменов бывают такие жены? Наверное, бывают, раз вот она, сидит прямо перед ним на широченной кровати, скрестив в позе лотоса голые длинные ноги, едва прикрытые коротенькими шортиками. В доме и в самом деле очень тепло, даже жарковато, и Виктор снял куртку еще внизу, в холле. И теперь он, в самом обыкновенном сером свитере и джинсах, чувствовал себя грязным пятном на рисунке с розочками.

Комната Снежаны являла собой забавную помесь чисто девичьей светелки и кабинета ученого-трудоголика. Нежные цвета обоев, штор и покрывала на кровати, оборочки, белая с золотым мебель, разноцветные парики на специальных болванках и очаровательные финтифлюшки на комодe с большим зеркалом — все это плохо сочеталось с горами книг, раскрытыми тетрадами и блокнотами, которыми была завалена поверхность большого стола. Виктор окинул книги быстрым взглядом, пытаясь хотя бы приблизительно понять, что это за литература, но увидел только иероглифы. Внимание его привлекли странные предметы на столе: чернильница с хрустальной крышечкой, несколько ручек с открытыми перьями, толстая стопка белой нелинованной бумаги. Такие чернильницы и перья Виктор видел только в кино про совсем древнюю жизнь.

— А это зачем? — спросил он, указывая пальцем на перья и чернильницу.

— Каллиграфией занимаюсь. Мне нужно научиться не только говорить, но и писать, а без каллиграфии никак, я же к буквам привыкла, а там кругом иероглифы, — пояснила Снежана. — Ну чего, полиглот, приступим к испытаниям?

— К каким испытаниям?

— Я же должна убедиться, что тебе можно верить, прежде чем отвечать на твои вопросы. Если окажется, что ты врешь, никаких ответов не будет, о'кей?

— Ладно, давай, — с опаской согласился Виктор.

Он плохо понимал, как правильно вести себя в такой ситуации. Но, в конце концов, он пока

еще ни в чем Снежану не обманул, так что бояться нечего.

Девушка открыла ноутбук, держа его экраном к себе, и что-то загрузила. Из динамика раздалась чужеземная речь, которая для лейтенанта выглядела просто набором звуков. Никакого смысла. И интонации непривычные, неевропейские, даже не поймешь, спрашивает говорящий или отвечает, сердится или радуется.

— И чего? — спросил он.

— Можешь что-нибудь запомнить и повторить?

— Попробую.

Он сосредоточился и напряг слух, вслушиваясь в поток незнакомых слов.

— Ну? — Снежана нажала кнопку, ноутбук замолчал.

Виктор неуверенно повторил несколько слов. Снежана внимательно наблюдала за ним.

— Правильно, — одобрительно кивнула она. — Только акцент сильный, но это нормально, а сказал все, как надо. Теперь вот это.

Зазвучал другой язык, не похожий на предыдущий, но тоже совершенно незнакомый. Виктор изо всех сил старался не отвлекаться на пристальный взгляд юной красавицы, которым она буквально буравила его лицо. «Чего она меня так рассматривает? — сердито думал он. — Ищет машинку для запоминания, которая у меня в носу вшита, что ли?»

С другим языком он тоже справился, правда, слов смог запомнить и воспроизвести меньше, чем при первом испытании.

— А что я сказал-то? — спросил он. — И на каком языке?

— Первый был японский, второй — китайский. На корейском я тебя вроде как уже проверила.

— И что я сказал? Что означают эти слова?

Снежана хмыкнула и закрыла ноутбук.

— Вообще-то это ужасно неприлично и ужасно смешно, я тебе даже переводить не буду, а ты решишь, что я шалава подзаборная. Если бы ты знал эти языки, если бы понимал, я бы по лицу заметила. А у тебя лицо каменное было, как будто тебе таблицу умножения читали. Кто язык знает — обязательно заржет, никто удержаться не может, я проверяла. Получается, ты действительно на слух ловишь феноменально. Обалдеть! Я таких, как ты, вообще никогда не встречала.

— Так я прошел испытание или как? Можно уже вопросы задавать?

Снежана поправила бретельку легкой цветастой маечки, сползшую с плеча, тряхнула гривой густых длинных каштановых волос и потянулась к маленькой капсульной кофемашине, стоящей на прикроватной тумбочке. Нажала кнопку включения, подняла рычаг, вставила рыжевато-коричневую капсулу, подставила чашку. Машинка заурчала, из носика потекла струйка кофе.

— Валяй. Нет, погоди, сначала я спрошу: а на фига ты с такими способностями в полицию-то подался? Чего тебе там делать?

— Да нет у меня никаких таких способностей, просто слух хороший. Ну и память вроде тоже ничего так...

— Держи. — Она протянула Виктору чашку, сунула в кофемашину еще одну капсулу и подстави-

ла вторую чашку. — Сахар не предлагаю, его все равно нет.

Кофе Вишняков не любил, если приходилось пить — то только сладкий и с молоком, но нужно быть вежливым, правда? Особенно с такими классными девчонками.

— Спасибо.

— Тебя как зовут-то, полиглот?

— Виктор.

— А я — Снежана. Короче: если надумаешь бросить свою ментовку — присоединяйся, языки ты быстро выучишь.

— Зачем? — не понял он.

— Будем вместе мой проект двигать и развивать. Прославимся на весь мир, много денег заработаем. Я такую классную штуку задумала с аниме — пока никто не догадался, надо использовать, чтобы быть первыми.

— Слушай, зачем тебе деньги? У тебя же муж миллионер.

— Он муж до тех пор, пока я языки в совершенстве не выучу, понял?

— И Фадеев об этом знает? — не поверил Вишняков.

— Ну а то! Он же не дурак. Но и я не дура. Я ему создаю антураж и предоставляю секс-услуги, он мне дает возможность спокойно учить языки с утра до вечера и не работать. К тому времени, когда я смогу начать проект, он все равно остынет ко мне и найдет кого-нибудь помоложе. Так что разойдемся мирно и к обоюдному удовольствию. Ты подумай над моим предложением, мне будут нужны способные компаньоны. Теперь давай свои вопросы.

Перепуганные горничные отвечали на вопросы скованно и коротко, будто взвешивая каждое слово. Видно, боялись потерять работу, если сболтнут лишнее. Матвей Очеретин? Нет, не видели, не знают такого. Конфликт с Горожановой? Ну, при горничных такие вещи не обсуждают, но они несколько раз слышали, как хозяин, Виталий Аркадьевич, по телефону разговаривал и называл эту фамилию очень сердитым голосом. Кто еще постоянно бывает в доме, кроме горничных и повара? Помощник Фадеева Артем, водитель Володя, массажистка Инга, у Виталия Аркадьевича спина очень болит, а у Снежаны мигрени. Константин Олегович раз в неделю обязательно приходит, он от фирмы, которая за домом смотрит, по инженерной части. Если много гостей, то второго повара приглашают и официантов, они всегда одни и те же, из ближайшего ресторана...

Женщина-повар оказалась более словоохотлива, видно, уверена была в своей квалификации и работе у Фадеева потерять не боялась. Но, к сожалению, знала даже меньше горничных, ведь почти все рабочее время проводила в кухне. Само ее присутствие напоминало Антону о том, что он страшно хочет есть, и хорошо бы уже поскорее закончить и уехать отсюда, остановиться у первой попавшейся точки, где продают хоть что-нибудь навynos, и быстро запихнуть в себя, чтобы не помереть от голода. Где там Виктор? Почему так долго возится?

Наконец телефон звякнул: пришло сообщение. От Вишнякова.

«Матвей Очеретин у нее в друзьях на ФБ фотка есть точно он. Хватит?»

Слава консервированным помидорам! Можно выдохнуть и с чистой совестью звонить Зарубину и Ромке. Антон отстучал в ответ короткое «да!!!» и с облегчением отпустил повариху. Уверен был, что Витя вот-вот спустится, однако пришлось ждать еще минут десять, пока не появился лейтенант. За эти десять минут Сташис успел прочитать два сообщения от дочери Василисы, ответить на них, три раза позвонить Степке и, не получив ответа, сначала разозлился, потом испугаться, потом посмотреть на часы и вспомнить, что как раз в это время сын должен быть с классом на экскурсии в каком-то музее. В каком именно — Антон не помнил, он и про экскурсию-то забыл. С этой суматошной работой ничего в голове не держится. Хотелось бы знать, почему служба, которая «и опасна, и трудна» и вообще вся нацелена на благо общества, так плохо сочетается с воспитанием детей?

* * *

Конец рабочего дня. Навигатор утверждал, что до Петровки они доберутся никак не меньше, чем за час сорок минут. На самом деле каждые десять минут эти обещанные «час сорок» будут удлиняться, потому что количество единиц транспорта на дорогах начнет ежесекундно увеличиваться. Так что хорошо, если часа за два с половиной доедут.

Рассказывал Вишняков плохо, увязал в деталях, не умея пропустить ненужное и коротко сформулировать главное, и на изложение информации, полу-

ченной от Снежаны Фадеевой, ушло довольно много времени. Антон нервничал и старался не злиться и не перебивать, давил в себе нарастающее раздражение и желание резко бросить: «Короче! Давай самую суть!» Витя — человек для Сташиса новый, они знакомы всего ничего, реакции не изучены, характер непонятен. А вдруг в ответ на сердитый окрик парнишка начнет сбиваться и путаться? Рассказ еще больше затянется, а сроки поджимают, Ромка ждет звонка, ему нужно следователю доложить.

Поэтому Антон сцепил зубы и терпел. Выяснилось, что на вопрос о человеке по фамилии Очеретин Снежана сперва ответила, что среди ее знакомых такого точно нет, потом, когда Виктор назвал имя — Матвей, спохватилась и принялась что-то искать в своем ноутбуке.

— Слушай, у меня в друзьях есть какой-то Матвей. Вообще-то у меня друзей тыщи полторы, если не больше, я их и не помню, но какой-то Матвей точно был. Имя редкое, поэтому я запомнила.

Снежана была из тех людей, которые принимают в «друзья» всех, кто попросится. Обычно так поступают те, кто ищет популярности. Она повернула ноутбук, на экране Вишняков увидел список «друзей», вернее, его малую часть. И в этой малой части был Матвей Очеретин собственной персоной.

— И на какой же почве ты с ним дружишь? — спросил он.

— Да ни на какой. Он прислал запрос — я приняла. Будто ты не знаешь, как это бывает! Наверное, увидел меня в списке друзей у кого-то из знакомых. Или даже из незнакомых, с которыми он задружился точно так же, как со мной.

— В личку писал тебе что-нибудь?

— Не-а. Несколько постов лайкнул, да и все. Даже не комментил ни разу.

— И тебе неинтересно, зачем он к тебе попросился?

— Да вот еще! Ко мне постоянно кто-то стучится. Кому очень надо, те запрос на переписку присылают. А всех остальных я принимаю, чтобы инфа расходилась широкими кругами. Заранее готовлю почву для своего проекта. Зато когда начну — сразу сотни тысяч узнают, а то и миллионы.

Вот в этот торжественный момент Витя Вишняков и отправил Антону сообщение о том, что Матвей Очеретин связан со Снежаной на Фейсбуке. Он собрался было уже распрощаться и уйти, но вспомнил, что нужно еще спросить о людях, постоянно бывающих в доме Фадеевых. Найти этих людей в соцсетях, просмотреть их профили, изучить личные странички и списки друзей. Может быть, окажется, что Матвей Очеретин «дружит» не только со Снежаной, но и с кем-то еще из окружения застройщика. И тогда его виртуальное знакомство с женой Фадеева уже не будет выглядеть интернет-случайностью.

Виктор старательно записал имена водителя Владимира Черединова, о котором им уже рассказал охранник Чекчурина, личного помощника Артема Шубина, инженера Константина Олеговича, фамилию которого Снежана и знать не знала, а также массажистки Инги Гесс.

— Константин Олегович работает в фирме, с которой у нас договор на обслуживание, — пояснила Снежана, — а остальные на зарплате у мужа.

Вот тут Виктору было не все понятно. То есть водитель — да, он нужен постоянно, каждый день. Личный помощник — тоже. Но держать массажистку на зарплате? Это уж слишком! Просто барство какое-то. Разве что Виталию Аркадьевичу Фадееву делают массаж пять раз в день. Но поверить в это было трудно.

— Инга Фадееву спину починяет, а мне — голову, — спокойно сказала Снежана. — Она как-то умеет боль снимать, точки там, меридианы и все прочее из восточных практик. И еще к племяннику Фадеева ездит и к его друзьям, они боями без правил пробавляются, им тоже боль снимать нужно все время. Ну и, вообще, они ребята отвязные, постоянно отношения выясняют при помощи кулаков. Поэтому Фадеев хотел, чтобы Инга всегда была на подхвате, в любой момент может понадобиться.

А вот это уже интересно. И даже совсем близко к теме. Бои без правил. Тренированные умелые парни, прошедшие хорошую подготовку и владеющие разными приемами. Если Фадеев посылает к племяннику и его друзьям свою массажистку, значит...

— Это хорошо, — довольным голосом перебил Антон.

Он даже злиться перестал. Позвонил Дзюбе, который, как выяснилось, уже подъезжал к Следственному комитету.

— Если Барибан захочет допросить жену Фадеева, она как? — спросил Ромка.

— Витя говорит, что она вроде не возражает. Нормальная деваха, готова даже сама подъехать, если надо.

— Красивая, говоришь? — усмехнулся Дзюба в трубку.

— Офигенно.

— Красивая и при богатом муже — это на каждом шагу. Но чтоб при этом еще и нормальная — это уже перебор. Интересно, где таких берут? Лады, Тоха, будем надеяться, что Барибану этого хватит.

Вот теперь можно наконец остановиться и закинуть в отчаянно голодное чрево какой-нибудь фастфуд.

* * *

— Мы уже закончили штаны поддерживать? — спросил Виктор, когда они съехали с МКАДа. — Можно, наконец, убийства раскрывать?

— Можно, — ответил Сташис. — Но если следку не хватит, придется еще на подтяжки поработать.

— Какова вероятность, что ему не хватит?

— Практически нулевая. Ты же знаешь, в судах теперь нормально прокатывают даже обвинительные заключения, в которых написано: в неустановленное время в неустановленном месте. Прикинь: человека обвиняют по статье, по которой предусмотрен немалый срок лишения свободы, то есть дело-то серьезное, не фуфло какое-нибудь, а в обвинилровке написано вот такое. Дескать, не знаем, где, не знаем, когда, но что-то такое было. Если не знают, где и когда, значит, и свидетелей нет. Доказательств нет. А суд принимает и отправляет на зону. Если к обвинительным заключениям и приговорам так относятся, то что говорить о ходатайствах на арест? В бумагу что хочешь можно налепить, все равно никто вникать не станет.

— Это точно, — поддакнул Вишняков. — Но ты же вроде говорил, что у этого Барибана требования завышенные, репутация, подкованная возня и всякое такое. И мы, типа, должны очень постараться и накопать что-то весомое.

— Так мы и постарались. Барибан — мастер, справится. Может, Ромка еще успеет связаться с кем надо и пробить фадеевского племянника на связь с возможными исполнителями убийств. Тогда все будет в шоколаде.

Виктор некоторое время молчал, потом снова заговорил, осторожно и неуверенно.

— Этот племянник Фадеева и его дружки-спортсмены... И Очеретин в друзьях у жены Фадеева... А вдруг?

Вот именно. Такая мысль Антона тоже посетила. Вполне возможно, что в погоне за любыми мифическими доводами в пользу задержания Очеретина они случайно наткнулись именно на то, что нужно для настоящего раскрытия двух убийств. Никто из фигурантов не тянет на роль идейного ученика неведомого Учителя. И получается, что Ромка Дзюба с самого начала был прав, когда высказал предположение, что истинной целью был Леонид Чекчурин, а Татьяну Майстренко убили, чтобы запутать след. И записки подложили из этих сообщений. Все это маскарад, инсценировка. Такова была одна из версий, которые Дзюба вываливал на Антона в тот первый день, как старый хлам из мешка, а Антон посмеивался над его буйной фантазией и не успевал записывать...

— Может быть, и «вдруг», — задумчиво кивнул он. — Ну, тогда я тебе, Витя, не завидую.

— Почему?

— А твой приятель Есаков не успокоится, будет землю рыть, чтобы тебя подставить. Если твое «вдруг» сбудется, получится, что мы у него раскрытие из-под носа увели. Ты же видел, какая у него рожа была, когда мы его к Фадееву не пустили. Они с Колюбаевым выкопали связь строителя с Очеретиним, ехали на горячее, руки потирали, а я сказал, что их источник ошибся и никакого Очеретина в окружении Фадеева нет, а есть водитель Черединов. Теперь выходит, что мы с тобой наврали специально, чтобы самим версию отработать и очков побольше набрать. Такие вещи не прощают, знаешь ли. Если быть точным, наврал, конечно, я один, ты стоял и молчал, но в данном случае мы выступаем как одна команда, и спрос будет не только с меня, но и с тебя тоже. Меня-то Есаков не достанет, а вот тебя — легко.

— Но ты же не наврал! Черединов действительно есть.

— Но и Очеретин есть, как выяснилось. И получается не очень-то красиво. Мне твой Есаков до лампады, а тебе с ним работать. Судя по всему, он тебя не сильно любит. За что, знаешь?

— Да вроде не за что, мы с ним ничего пока не делили. С ним вообще никто из наших дележкой заниматься не станет, если что — сами все отдадут, себе дороже.

— Это почему ж так? Кто его крышует?

— Зам по криминальной. Женька — его внебрачный сын.

■ — Ах вот в чем дело...

— Ну да. У нас в конторе все об этом знают, хотя официально считается, что ничего такого нет. Так что связываться не хотят. И слова лишнего при нем не скажут, потому что он сразу папане доложит.

— Ясно. Сложно, наверное, в таком коллективе?

— А что, бывают другие? — усмехнулся Вишняков. — Я служу всего полгода, но иллюзий уже лишился.

— Но если бы предложили перейти куда-нибудь, где нет официального стукачка, согласился бы?

— Да брось, Антон, кто мне чего предложит? Отсюда бы не выперли — уже спасибо. Ты мне недавно про верхний предел говорил, ну, что ты выше города работать не сможешь. Вот и я свой предел понимаю, выше округа не замахваюсь. Я же совсем обычный, никаких талантов у меня нет, связей тоже нет, поддерживать меня некому. И вырывать зубами свой кусок я не буду.

— Почему?

— Неинтересно.

— То есть амбиций совсем нет? Карьеру делать не планируешь?

— На фиг она сдалась-то? Карьера — это зависимость. Тут уступи, там прогнись, промолчи, выкрутись. Получается, не карьера помогает твоей жизни, а ты помогаешь карьере, служишь ей, становишься ее рабом. Все для нее, все ради нее. Ну и за каким оно сдалось? Не по мне это.

— Ну, не все карьеру так делают, — заметил Антон, пряча невольную улыбку. — Есть и такие, кто своим умом пробивается, способностями, талантами.

— Так у меня ж ничего этого нет.

«Да, парень, с самооценкой у тебя совсем беда. Кто ж тебя так затюкал-то? Родители? Или учителя в школе? Может, друзья-приятели внушили? Девушка обидела?»

— Почему же ты в полицию пошел служить?

— А куда еще-то? Были бы мозги покруче — стал бы программистом, они хорошо зарабатывают и ни от кого не зависят, для программиста важен только результат, а не то, кто у тебя папа. Но я с математикой и вообще со всей этой хренью с детства не дружу. А в полиции особого ума не надо, и на жизнь хватает. Я вообще не собирался высшее образование получать, но предки весь мозг вынесли, ссориться не хотелось. Это раньше были такие понятия, что диплом обязательно нужен, а сейчас можно отлично прожить и без него. Вот ты можешь мне объяснить, в чем смысл диплома?

— Смысл всегда можно найти, если постараться.

— Да? Тогда скажи мне, в чем великий смысл всей этой вашей работы на Петровке? Вы же не раскрываете ничего, никому ничего хорошего не делаете, вы только подтяжки шьете, вот как мы с тобой сегодня. Тебе самому не противно?

Антон вздохнул. Противно ли ему? Да, отчасти. Для современного полицейского самым трудным является достижение баланса между полной отстраненностью и искренним сопереживанием. Отдашь предпочтение отстраненности — и все станет безразлично, на уме одно лишь бабло и возможности. Будешь искренне сопереживать каждому пострадавшему — быстро сойдешь с ума от того количества горя, боли, ужаса, вранья и грязи, в которых приходится существовать. Нужно суметь поймать равновесие,

и оно позволит найти ту точку, тот стимул, который поможет хоть как-то работать и хоть что-то раскрывать. Портняжное мастерство все равно останется на первом месте, систему не изменить, страну не переделывать, но в свободное от пошива штанов и подтяжек время правильный баланс даст силы принести в этот несовершенный мир хоть немножко добра.

— И в чем добро? — скептически осведомился Виктор. — В том, что вы еще кого-то накажете? Еще одного виновного, а может, и невиновного, на зону определите? Убитого-то все равно не вернуть. Так что смысла нет, как ни крути.

— Убитого не вернуть, — согласился Сташис. — Но люди, пережившие горе и шок, хотя бы увидят, что кому-то еще есть до них дело, они не брошены на произвол судьбы со своей утратой. Кому-то не все равно. Понимаешь? Нам с тобой Очеретин про это много говорил. И Стеклова, эта его профессорша, статьи писала.

— Не, не верю, — упрямо мотнул головой лейтенант. — Профессорша, статьи... Разве то, что наболтал Очеретин, это наука? Туфта какая-то.

— Почему туфта?

— Да просто не просекаю, из-за чего весь сырбор, ведь вопрос-то простой, как три копейки! Во всех нормальных странах есть психологическая помощь для кучи разных категорий: и для зависимых, и для травмированных, и для жертв домашнего насилия, и для жертв изнасилования, и для перенесших утрату, короче, для всех подряд. Почему у нас-то нужно биться лбом об стену, доказывать очевидное, еще и науку на этой теме разводить? По-моему, наш Очеретин все врет.

— Но статья действительно была, ты ее вчера своими глазами видел. Научная публикация.

— Ну и что? Подумаешь, одна несчастная статья. Может, она и была, но все остальное, что он рассказывал, звучит туфтово. Кому нужно доказывать, что необходима психологическая помощь жертвам преступлений? Давай я начну доказывать, что использование зонта помогает защититься от дождя. В момент большим ученым стану. Прямо сразу академиком. Напиши один хороший толковый материал, подай, куда там надо, в Думу или еще куда, где законы принимают, и все дела. Тоже мне, наука!

— Ты прав, Витя, но есть одна загвоздка. Законы у нас пока еще принимают люди значительно старше тебя по возрасту.

— И чего? В смысле — они все тупые, что ли?

— Они не тупые. Просто они — дети советской эпохи. Продукты советской идеологии. Ты в те времена не жил, да и я застал совсем немножко, еще сопливым пацаном. Строй изменился, а времена как будто остались прежние, потому что времена — они в головах и застревают там надолго. Строй можно в один день поменять, старые законы упразднить, новые написать — и готово дело. А чтобы идеи из голов вытравить, нужны десятилетия. Про Моисея слышал? Он своих соплеменников после бегства из Египта сорок лет по пустыне водил, пока не вымерли те, кто родился и вырос в рабстве, чтобы рабскую психологию в новую жизнь не тащить.

— Да? И что за идеи были в советское время? Что жертвам преступлений не нужно помогать, типа, они сами виноваты? Не гони! — презрительно фыркнул лейтенант.

— Ну, не так экстремально. В те годы принято было считать, что нуждаться в психологической помощи — стыдно, это признак слабости. Советский человек должен быть строителем коммунизма, устремленным в светлое будущее, он не имеет права быть психологически слабым. А уж иметь диагноз от психиатра — вообще кранты, конец не только карьеры, но и всей обычной жизни. Те, кто придумывает сегодня законы и руководит страной, — это как раз те самые люди, у которых в головах остались советские представления. А ты — другое поколение, ты вырос в совершенно другой среде, и идеологической, и информационной. То, что для тебя очевидно и естественно, для них — дико. И одной бумагой, даже очень хорошо написанной, никого там, наверху, не убедить. У них на каждое нововведение, если оно не касается увеличения налогов, ответ один: в бюджете денег нет и не будет, затяните потуже пояса.

— А ты? — неожиданно спросил Виктор. — Ты какое поколение? Какой же, как они?

— А я застрял, Витюша. Болтаюсь, как дерьмо в проруби. Жизнь выстроил по тем законам, которые придумали старшие, а мыслью уже как младший.

Антону вдруг стало грустно. И снова появились тревожные мысли о сыне. Как помочь? Как поддержать? Как защитить, уберечь? Как, если невозможно понять, о чем он думает и что чувствует? Они другие, совсем-совсем другие. С Васькой вроде бы получилось, девочка выросла ответственной, без глупостей в голове, но такая удача два раза подряд в одной семье не выпадает.

Полковник Зарубин выслушал отчет с мрачным лицом, да и вообще выглядел он каким-то усталым и ко всему безразличным. Оживился только тогда, когда прозвучало имя массажистки Фадеева, Инги Гесс. Да не просто оживился — аж подпрыгнул.

— Как ты сказал?! — почти закричал он.

— Инга Гесс, — послушно повторил Виктор.

Зарубин посмотрел в какие-то свои записи, и глаза его задорно сверкнули.

— Ну, парни, кажется, мы вытащили призовую фишку. Точно, Инга Гесс. Она была медсестрой, которая приходила на дом к Выходцеву весь последний год его жизни.

— А Выходцев — это... кто? — озадаченно спросил Сташис.

— Это один из соавторов той статьи, которую нам показали Масленковы, — шепнул ему Виктор.

— Так почему она к нему приходила? И почему в последний год?

— У него был рак. Выходцев — наш бывший коллега, умер в восемнадцатом году, — пояснил Зарубин. — Это все мы с Ромычем сегодня целый день выясняли. Сначала пообщались с Гиндиным, потом навестили бывшую жену Выходцева.

Вишняков слушал Сергея Кузьмича и с привычной обидой на самого себя понимал, что не успевает за быстрой речью полковника. А вот Антон, кажется, вполне поспевал соображать на ходу, если судить по выражению его лица. Нет, никогда ему, Вите Вишнякову, не стать таким, как подполковник Сташис.

— Стало быть, мы имеем некую даму по имени Инга, которая была хорошо знакома с Выходцевым и в настоящий момент постоянно контактирует с Фадеевым. Выходцев — это мотив, а Фадеев — это возможность, у Инги через него есть прямой выход на хорошо подготовленных боевиков, которые ей обязаны, — радостно констатировал Зарубин. — Можно считать, что раскрытие у нас в кармане. Первое: пробиваете эту дамочку по всем базам и соцсетям, к завтрашнему утру мы должны знать о ней как можно больше. Вот ее номер телефона, бывшая жена Выходцева дала.

Он заглянул в бумажку и продиктовал десять цифр, которые Виктор старательно записал в блокнот четким почерком.

— Второе: сравниваете запись на флешке, где есть девица, которую засекли возле дома Чекчурина, с записями с камер по нашим трупам. Колюбаев и Есаков до середины ночи над ними просидели, но ничего не нашли. Теперь нужно все переделать заново, они же мужика искали, но у них не было видео из дома Чекчурина, а мы уже знаем, что это могла быть и женщина. Она собирает информацию об объектах, выпасает их, а по готовности в нужный момент вызывает кого-то из дружков младшего Фадеева или даже самого племянника.

— Красиво, — согласился Антон. — Но верится с трудом. Скорее уж она сама и убивала. Наслушалась от Выходцева всяких правильных мыслей и загорелась идеей мщения.

— А вот в это уже мне верится с трудом, — поморщился Сергей Кузьмич, сделав упор на слове «мне». — Баба, настолько сильная, ловкая и трени-

рованная? Она должна быть олимпийской чемпионкой, а не медсестрой-массажисткой. Нет, у нее совершенно точно есть подельники, исполнители, а она — идеолог. Посвящает свои деяния покойному Учителю. Может, даже любовнику, почему нет? Все сходится.

— А Очеретин как же? — озадаченно встрял Виктор.

Зарубин недовольно нахмурился, посмотрел на него строго.

— Что — Очеретин?

— Ну... Он-то каким боком сюда? Он же в эту схему не вписывается от слова «совсем», а мы его закрыть собираемся.

— Больно умный, — проворчал Зарубин. — Раз собираемся, значит, закроем. Очеретин может быть знаком с этой Ингой через Снежану или еще как-то. Может, через мальчиков Стекловой, он же у них свой, член группы. И в группу какое-то время входил Выходцев, если ты забыл. Гиндин сказал, что Выходцев явился к Стекловой со своими идеями, убедил ее, старушка загорелась, затеяла целое исследование, рассчитанное на много лет, подобрала коллектив исполнителей. Оба наших потерпевших описаны в статье, значит, у массажистки был доступ к этим материалам. Все в цвет. Гурновых, дочку которых сбил Леонид Чекчурин, отработать завтра прямо с утра на знакомство с Очеретиным и Гесс. По-хорошему с Гурновой надо было еще вчера побеседовать, но сами видите, как оно складывается... Потом Инга организовала убийство Татьяны Майстренко, и Очеретин радостно явился к Масленковым, чтобы сообщить приятную

новость, мол, виновница гибели их сына наказана по заслугам. Там ты его и отловил. В чем проблема? Все, давайте, работайте, мне ехать надо. Еще неизвестно, чем Пална огорошит.

Сташис и Вишняков вышли из кабинета начальника.

— А Пална — это кто? — спросил Виктор.

— Потом расскажу. Ты лучше готовься, сейчас с Есаковым придется объясняться.

Женя Есаков и Дима Колюбаев мирно попивали чаек в ожидании дальнейших распоряжений.

— У нас новый фигурант, — заявил Сташис, словно не замечая ни настороженности Колюбаева, ни откровенной злобности на лице у Есакова. — Инга Гесс, медсестра, работает на Фадеева. К завтрашнему утру нужно все, что сумеете на нее собрать. Базы, Интернет, личный сыск. На данный момент есть только имя и номер телефона.

— Откуда она нарисовалась? — удивился Евгений.

— А в самом деле, откуда? — подхватил Колюбаев. — Мы по Чекчурину все по-честному отработали, можете проверить. Никакая медсестра Инга там не мелькала. Она что, брошенная любовница Леонида? Такая давняя, что про нее в нынешнем окружении убитого никто даже не слышал?

— Вот и проверяйте, — невозмутимо ответил Антон. — Вас двое, время — до утра.

— Почему только двое? А Витек что будет делать? — поинтересовался Женя.

«Ну вот, — подумал Виктор, — сейчас Антон ему скажет, что я буду переделывать работу, над которой они корпели столько часов, и Женька меня возненавидит. Да и фиг с ним. Плохо только, что

папане своему жаловаться побежит, еще и наговорит три кучи вранья».

— У Вишнякова другое задание, он по Очеретину работает.

«Соврал. Ради меня? Мою задницу спасает? Или играет в свою игру? Правильно он сказал насчет верхнего предела, мне на Петровке точно делать нечего. Мой потолок — оформлять тех, кого с митингов привозят, там сильно много думать не надо: дали образец — и штампуй протоколы под одну гребенку».

Виктору вдруг стало одновременно тоскливо и обидно. А как же возможность хоть иногда делать какое-нибудь добро? А как же независимость и самостоятельность, к которым он так стремится? Ведь штамповать по образцу, отписываться и тупо выполнять приказы — это разве самостоятельность? Независимость? Вот уж нет!

Сташис устроил его в своем кабинете за свободным столом, поставил рядом с компьютером ноутбук и протянул флешку.

— Твоя добыча, — улыбнулся он. — Отработывай. Кстати, ты заметил, что про Хомича он не спросил?

— Кто? — рассеянно отозвался Виктор.

Он уже вставлял флешку и загружал на ноутбуке файл с видео перед домом Чекчурина, а на компьютере выводил записи с камер, на которых были запечатлены последние часы жизни Леонида Чекчурина и Татьяны Майстренко.

— Твой дружок Есаков. Его интересовало, чем будешь заниматься ты. Именно ты. Не задумался, отчего так?

— Да нет... Какая мне разница? Слушай, Антон, а если эта Инга до завтрашнего утра еще кого-нибудь приголубит? Мы тут будем высиживать, данные о ней собирать, а она, может, уже следующего выпасает. Номер ее есть, надо попросить техников установить, где сейчас ее телефон, и ехать. Она ведь на всю голову больная, от нее чего хочешь можно ожидать.

Вот же она, реальная возможность сделать добро: предотвратить новое убийство, защитить человека от насильственной смерти. Тогда тупая бессмысленная возня вокруг отчетов, справок и показателей обретет пусть небольшой, но смысл.

— Вряд ли так скоро она соберется, — ответил Сташис.

— Почему?

— Именно потому, что больная. Если больная, конечно. Про это специалисты кучу книг написали. У больных интервалы между эпизодами сокращаются постепенно, а не вот так сразу: было четыре недели — стало три дня.

— Откуда ты знаешь, что убийство Чекчурина — первое в серии? — упрямо допытывался лейтенант. — Может, массажистка уже давно начала, сперва был год, потом полгода, потом три месяца, потом четыре недели, почти месяц. А теперь будет три дня.

— Ты прав, — согласился Антон, и Виктор снова, уже в который раз за сегодняшний день, удивился: опять кто-то признал его правоту. В сказку он попал, что ли? Но легендарная Петровка как-то мало походила на сказочную страну, где происходит волшебство и исполняются самые заветные желания. Здесь царили суета, нервозность

и почему-то ненависть. Ненависть друг к другу, к преступникам, из-за которых нужно напрягаться, и к потерпевшим, которые портят отчетность своими жалобами и заявлениями, к начальникам, которые постоянно чего-то требуют и унижают нижестоящих яростной бранью, и к подчиненным, которые не выполняют порученное дело так, как хотел бы их начальник. Никто никого не любит, никто ни с кем не дружит, никто никого не защищает. Ну, во всяком случае, именно это чувствовал Витя Вишняков.

— Если наши трупы не два первых, а именно два последних, то мы должны поднять все материалы по похожим убийствам, даже и по раскрытым, и проанализировать их. Хотя бы года за два, — продолжил Сташис.

— За два? Почему не больше?

— Выходцев умер в восемнадцатом году. Посвящать ему убийства имеет смысл только после его смерти.

— А, ну да, — пробормотал Виктор. — Так в чем проблема? Надо проанализировать.

— Ага, — кивнул Антон. — Надо. Кроме того, нужно сравнить эти убийства с материалами, которые предоставил Гиндин. Разработку группы учеников Стекловой никто не отменял. И кто будет это делать? И когда? У тебя задание, у Колюбаева и Есакова задание, Дзюбу забирает наш начальник, я не могу оставаться на ночь, у меня сын один дома.

Ну да, понятно, материалы Гиндина можно и с домашнего компа посмотреть, на них нет грифа секретности, а вот данные из спецбазы выносить из здания нельзя. Хотя многие нарушают, конечно,

Виктор это точно знал. И не просто выносят и пользуются, но еще и продают задорого, есть в полиции такой бизнес, вполне себе бодро процветающий.

— А Хомич?

— Хомич уже не в кондиции, по телефону слышно, я с ним разговаривал. Сегодня на него точно рассчитывать не стоит. Да и в дальнейшем я б не стал.

Напился, значит. Не постеснялся. Или зависимость уже такая сильная, что не до политесов и стеснения. Потому и разговоры эти бесконечные о том, как он загружен работой, которую никто за него делать не будет. С алкоголиками всегда так.

— А завтра?

— А завтра мы все дружною толпою, как цыгане по Бессарабии, будем составлять план действий в зависимости от того, что решит суд по Очеретину. Если нам повезет и следак сочтет, что можно просить арест, у нас будет два месяца на то, чтобы спокойно и тщательно все сделать. Если же не повезет и мы получим только продление срока задержания, то...

Антон замолчал и посмотрел в окно. Чего туда смотреть-то? Все равно ничего не видно, кроме огней, давно уже стемнело.

— То — что? — не выдержал Вишняков.

— То будет трудно. Плохо. Суета и неразбериха. В общем, сам увидишь. Короче, алгоритм понятный, всюду так работают: задержать первого попавшегося подозреваемого, быстро набрать какой-нибудь фигни для ареста, а потом неспешно копать в поисках «чего бы ему навесить, чтобы нам арест оправдать, палку в отчетность получить, а ему чтобы небо с овчинку показалось».

— То есть завтра мы будем искать, на чем взять массажистку, а когда закроем ее, тогда уж будем все остальное делать?

— Именно так, Витюша. Кстати, давай-ка глянем на нее. Может, Зарубин неправ и она на самом деле олимпийская чемпионка.

Виктор с готовностью закрыл видеофайлы и вышел в сеть. Ему и самому было интересно. Если бы Антон сейчас не попросил, Виктор бы первым делом полез искать фотографию Инги Гесс, как только за Сташисом закроется дверь. И не из чисто мужского любопытства, хотя оно тоже наличествовало, а исключительно для работы: нужно же точно знать, не Инга ли на том видео, которое сняли охранники чекчуринского домовладения.

Ввел в поисковик запрос и увидел, что в соц-сетях людей с таким именем — раз-два и обчелся. И почти все из Казахстана, как ни странно. Из России только две, а из Москвы вообще одна.

— А чего их в Казахстане-то так много? — удивился он вслух.

— Туда в свое время ссылали российских немцев, — объяснил Антон. — Гесс — немецкая фамилия.

Надо же... Виктор про такое вообще не слышал. Наверное, это было фиг знает когда, еще при царе Горохе.

Московская барышня Инга Гесс присутствовала во всех сетях, но странички давно не обновлялись. На каждой всего по несколько постов, сделанных в незапамятные времена, число друзей — от 65 до 182. Не густо. В одном из списков обнаружилась Снежана Фадеева. А вот никакого Матвея Очере-